

П. П. Сви́нин

П. П. Сви́нин родился в Москве и воспитывался в университетском благородном пансионе. В 1805 году он поступил на службу в Коллегию иностранных дел, был дипломатическим чиновником при русской эскадре, находившейся в Средиземном море. В 1811 – 1813 годах Сви́нин жил в Филадельфии, где занимал должность секретаря генерального консула русского посольства в Соединенных Штатах. «Сам Сви́нин рассказывал, что удаление от родины, неверность известий о России, сознание, что мы сами весьма мало знаем свое славное отечество... возродили в нем желание посвятить всю жизнь свою познанию России, ее доблестей, ее местностей, памятников...»

В Россию Сви́нин окончательно возвратился в 1818 году. Тогда же вышел первый номер «Отечественных записок» – еженесячного журнала, в котором он выступил в роли издателя и главного автора статей, посвященных «единственно русскому в России». Эпиграфом журнала стали слова: «Любить отечество – велит природа, Бог; А знать его – вот честь, достоинство и долг». Сви́нин решил издавать журнал, который печатал бы материалы по русской истории, этнографии, промышленности, знакомил читателя с произведениями писателей из народа. Издание журнала давало Сви́нину средства для организации задуманного им «Русского музеума», который помимо библиотеки, минералогического кабинета, нумизматического и рукописного отделов, включал собрание живописи и скульптуры. В собрании хранилось более 200 собственных рисунков Сви́нина. В классах Академии художеств Сви́нин пробыл недолго, но в 1811 году был выбран в академики за картину, изображающую Суворова, «отдыхающего после сражения на сене у ручья в палатке».

Так же как Сви́нин-литератор иллюстрировал «русскую природу, русские сельские и городские виды», так и Сви́нин-художник «набрасывал виды России... лихие тройки и вообще всяческие картины, типы и сцены из русской жизни». С этой целью он предпринял ряд путешествий по стране, «обогащая альбом свой рисунками, а журнал фактами и заметками». В результате он опубликовал ряд очерков, наиболее примечательные увидели свет под названием «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей» (1826 – 1828). В 1822 году Сви́нин побывал в Шлиссельбурге, и в 1823 году в «Отечественных записках» была опубликована его «Прогулка в Шлиссельбург в сентябре прошлого года» с гравюрами по рисункам автора. Сви́нин в 1824 году вышел в отставку, а вскоре прекратилось издание «Отечественных записок» и материальные трудности вынудили его распродать «Русский музеум».

Осенью 1822 года Сви́нин присутствовал на дне рождения В. А. Всеволожского в Рябово. Впечатления от этого праздника 27 октября он изложил в письме к Ивану Ивановичу Дмитриеву в Москву, которое в ноябре под заголовком «Доброго именинника празднуют три дня» было напечатано в «Отечественных записках».

«Я сейчас возвратился из Рябова с трехдневного пира, коим родные и друзья праздновали рождение доброго нашего приятеля, Всеволода Андре-

евича Всеволожского, – писал П. П. Сви́нин. – Празднество сие так необыкновенно, в нем так все замысловато и весело придумано, так все удачно и хорошо выполнено, что описанием одного, хотя кратким, надеюсь доставить Вашему Высокопревосходительству несколько приятных минут – не имея достаточно самолюбия, не полагая даже возможным передать на бумаге хотя частицу тех восхитительных наслаждений, кои – как призрак некоего волшебства – занимают все мое воображение.

Приехал в Рябово 24 числа в час по полудни. Два года не видав его, я

В. А. Всеволожский

желал осмотреть улучшения, сделанные новым помещиком, и он сам взялся показать мне оные. Мы сели в крытую линейку, между тем и для других гостей стояли у крыльца фазтоны, кабриолеты, дрожки и верховые лошади. Весьма жалею, почтеннейший Иван Иванович, что вам не удалось, в бытность вашу ныне в Петербурге, посетить Рябово. Вы бы увидели, что ни есть живописного в окрестностях северной столицы нашей, увидели бы посреди болот Петербургских прелести Швейцарии.

Главное улучшение нового хозяйства состоит в превращении обширных дебрей и непроходимых болот в гладкие поля и бархатные луга. Лес вокруг ближайших озер расчищен в виде парка и сделано в нем дорог более чем на 25 верст. Сад раскинут также по косогору широкою рукою, и когда у подошвы его возвышений выростут пруды, кои наполнятся чистою водою (прокрадывающеюся из Ладожского озера бесчисленными жилами чрез Рябовские горы), то выкажутся все прелестные неровности и образуются тенистые островки. Я помню, как знаменитый Буш, осмотрев Рябово, при покупке сего владения г. Всеволожским, сказал: «Здесь с малыми издержками можно сделать многое, между тем как в других местах с большими – малое». И поистине, здесь Природе – как красавице – все пристало, все к лицу, весьма мало нужно для украшения себя! Хотя место для нового дома избрано самое возвышенное, хотя с верхней террасы одного предста-

вляются бесконечные виды – видны Петербург и Шлиссельбург, но я бы перенес его на полверсты далее, ближе к озеру; ибо что может сравниться с бесконечною массою чистейшей воды, всегда пред глазами нашими находящеюся!

Но я долго бы не добрался до праздника, если бы взялся описывать вам Рябово. Скажу однако еще два слова об его климате. Быв защищаемо от севера возвышениями и не заражаясь болотными испарениями, воздух здешний несравненно теплее и здоровее Петербургского. Это доказывается уже тем, что в Рябове не бывает морозу прежде окончания Сентября, между тем как версты за три отсюда побаиваются их овощи иногда в Июле месяце. Прибавлю еще – что в саду на отлогости произрастают в грунту (шпалерами) нежные Шпанские вишни и сливы, кои на зиму покрываются одним ельником. Строящаяся паровая оранжерея, по новому плану и на новых правилах, будет, конечно, одною из прекраснейших и, может быть, образцовых в России.

Вы, я думаю, знаете, что Рябовское имение, с 400 душами и 20 000 десятин земли, принадлежало Меншикову, и в Истории известно тем, что в нем укрывались раскольники, последователи Федосеевской секты. Потом пожаловано оно было Императрицею Анною Иоанновною Герцогу Бирону, после того поместье сие принадлежало Мордвинову, барону Фридрихсу, Гертелю и, наконец, г-же Толстой, от которой и куплено оно в 88 году нынешним его владельцем.

Я сказал уже вам, что я приехал в Рябово 24-го, т.е. накануне рождения Всеволода Андреевича. В тот же день, в 6 часов по полудни, пригласили нас в театр, устроенный в обширной особенной зале, по всем правилам Механики. Занавес открылся, и мы увидели новый водевиль известного Писателя Николая Ивановича Хмельницкого – Новый Парис, разыгранный собственными актерами помещика так хорошо, как нельзя было ожидать, особенно со стороны пения. Музыка также новая, соч. Мауера...

Наслышась стороною, что приготовлено для нынешнего праздника нечто необыкновенное, особенное, признаюсь, я с нетерпением ожидал вторичного открытия занавеса – и не ошибся. В продолжение нескольких часов я был восхищен всеми чувствами, переходил от одной неожиданности к другой, от одного удовольствия к другому, и в первый раз, может быть, увидел искусство говорить в глаза приятные истины – без оскорбления скромности, увидел разгаданную тайну – хвалить умно, осторожно. Это соединено в прелестном прологе, сочиненном Федором Николаевичем Глинкою, на заданную ему тему – Русскую пословицу: доброго именинника празднуют три дня. Действующие лица в оном: Граф Сельмин – приехавший из-за границы; Г-жа Ладова – род-

ственница г. Добромыслова; Саша – дочь ее; Милов – отставной гусарский раненый офицер, родственник в доме; Ленов – приятель дома; Яшка Простаков – деревенский слуга. (Действие происходит в селе Дружелюбове, помещика Добромыслова.)

В первой сцене Яшка Простаков (кого роль весьма удачно и натурально представлял Н. В. Всеволожский), выбалтывает очень забавно, что праздник будет не на шутку, что праздновать его будут три дня, и поет небольшую, но приятную арию, оканчивающуюся следующим refrain: «Нет, нет! У Яши Простакова, Не выманишь напрасно слова!»

В разговоре Милова с Гр. Сельминым, как я выше заметил, весьма много ума и живости. Милов с необыкновенною заманчивостью рассказывает путешественнику о приятностях Рябовской жизни, о любви Добромыслова к изысному, о его покровительстве талантов, о его стремлении ко всему полезному, совершенному, и делает самые нежные, лестные похвалы артистам и любителям-знатокам, коих дружбою пользуется г. Добромыслов. Рассказывая о его семействе, он пишет портрет меньшого сына его (он служит при Дворе Камер-Юнкером) в следующих милых стихах, пропетых г. Верстовским, с свойственным ему искусством и приятностью:

Он весел, любит жизнь простую,
И страх как всеми он любим!
И под кафтаном золотым
Он носит душу золотую.
Жеманство, светские фигуры
Совсем не нравятся ему!
Он, правда, любит каламбуры,
Но то не вредно никому.
Зимой живет он в Петрограде
Для службы, света и связей;
А летом он гостит в Отраде
И сам отрада для друзей.

(Отрада – так называется собственная его дача, близ Рябова.)

После сего разговор военных людей переходит весьма естественно на воспоминания о незабвенной войне 12 года. Вот строфы, коими поэт-живописец описал сию важную эпоху, но как изобразить восхищение, в которое приведены были слушатели прелестною их музыкою и очаровательным голосом г. Верстовского? Сам Мауер признается, что это есть лучшее из его произведений, и говорит, что при первой репетиции он был так растроган, что скрипка выпала из рук артиста и слезы полились из глаз его. Акомпанемент составлен большею частию из шести валторн, и аккорды так приносивлены к смыслу Поэзии, что выражают каждое ее слово, так, например, при четвертом стихе: А нам грозило покоренье – слышится глубокое сетование, а при седьмом – раздаются звуки цепей и самые стоны. Отзвуки победы восхитительны! В лучшее доказательство общего восторга скажу вам, что мы, забыв об усталости милого Орфея нашего, заставили его снова повторить арию.

Святая то была у нас война!
И ты, и ты уведала смятенье.
О, милый край! О Русская страна!
И нам, и нам грозило покоренье...
Между разговорами Автор весьма кстати сделал приветствия героям 2 года, находившимся в числе зрителей – обратив к ним несколько исторических воспоминаний.

Заключу описание пролога купле-

Н. В. Всеволожский.

тами, пропетыми Сашею (В. П. Хованской. – **Ред.**) под звуки гитары, на которой аккомпанировал ей сам сочинитель сей музыки С. Н. Аксенов, изобразивший в ней самую милую невинность.

Когда собираются все наши
Сердечный праздник пировать,
То верно и малютке Саше
Дозволят слова два сказать...
Так, милый дяденька, участье
И Саша в празднике берет.
Все говорят: «Быть добрым счастьем

И добрым весел Божий свет»;
А вы ведь добры – так живите
И пусть все тешит в жизни вас,
И хоть немного нас любите,
Как все мы много любим вас.

За прологом следовало представление в лицах: Шарады, Загадки, Каламбура, Логогрифа, Анаграммы и Романса...

Наконец, пред полночью открылась занавес в углублении театра, и глазам нашим представилась богатая живая картина (составленная из Русских костюмов), изображавшая приуготовление к празднику. Вслед за нею другая, столь же великолепная и искусно группированная, представлявшая самое празднество. В ту минуту послышалось 12 часов, заиграли трубы и литавры, и все актеры и зрители пенящимся Шампанским искренно поздравили новорожденного, а родные пропели ему хор, также сочиненный Ф. Н. Глинкою, под музыку г. Мауера.

Довольны мы судьбою...
Что все тебя любя,
Старались согласиться,
Чтоб больше веселиться
И веселить тебя.
Довольны мы судьбою...
Когда и нас любя
Захочешь согласиться
И с нами веселиться
И веселить себя.

25-е Число, т.е. день рождения милого хозяина, началось, как водится у добрых Христиан, обеднею в домовою церкви, которая весьма хорошо устроена в самом верху и отделана со вкусом, а хор певчих и того еще лучше. Обед был в театральной зале на 20 приборов. В пример изобилия и изящества стола, упомяну о разварном осетре, поданном целиком в паровом котле. Без сомнения, рыба сия у Римского Сибарита была бы смирена, вывешена..., но мы в честь ее скажем только, что как ни усердно трудились мы над нею, но не могли ее скушать.